

IV.

Въ одну изъ майскихъ ночей.

На башнѣ старой церкви пробило два часа ночи. Все почиваетъ въ объятіяхъ сна...

Съ поры до времени прилетитъ отъ Альпъ легкій вѣтерокъ, ударится о стѣну стариннаго замка „раубритеровъ“, ворвется въ глубокій, дышащій сыростью, подвалъ, поласкаетъ кости, передъ вѣками закованныя въ кандалы, и понесется внизъ къ синему Дунаю, шепотомъ передавая его грандіознымъ волнамъ стонъ духовъ, блуждающихъ въ подвалѣ замка...

Все спить... Не спить только городовой. Стуча громко каблуками по тротуару, онъ какъ-то противъ воли заставляетъ помнить: что есть какіе-то законы, правила, какой-то „высшій“ порядокъ.

Моя мысль, однако, теперь столь свободна, столь смѣла, что не замѣчаетъ никакихъ высшихъ порядковъ. Грудь дышитъ широко да свободно. Душа хотѣла бы получить крылья и скрѣй — скрѣй улетѣть на эту широкую свободу... туда, откуда прилетаетъ такое нѣжное

дуновеніе вѣтерка, откуда смотритъ эта золотая, улыбающаяся луна, откуда подмигиваютъ, словно деревенскія красавицы своимъ обожателямъ, звѣздочки...

Вокругъ привольно...

Отчего-же не такъ легко въ моей груди?! Боль сжимаетъ трепещущее сердце. — Лечу опрометью; — авось тамъ, хотя на минутку, притихнетъ ретивое; хотя на мигъ одинъ забудеть о своей горькой участі...

Все дремлетъ.

Потиху, точно воръ, подкрадываюсь подъ окно ея. Какъ давно я здѣсь былъ?.. Сколько хорошихъ воспоминаній связано съ этимъ домикомъ... Какъ сладкій сонъ, какъ привидѣніе, словно божественный подѣлуй любимой, прошли самые счастливые дни моей весны... Хорошо было мнѣ здѣсь...

Сколько разъ я желалъ, такъ желалъ, чтобы Богъ послалъ мнѣ забвеніе... Оно не приходило. Но и какъ-же забыть все то, чего никакъ нельзя вырвать изъ сердца; развѣ вырвать вмѣстѣ съ нимъ! — Не было словъ, выражить коими я могъ бы мое тогдашнее счастье... Оттого то я и никогда не старался въ словахъ представить мой душевный рай, ибо молчаніе самое лучшее выраженіе невыразимаго счастья.

Клянусь: никто въ мірѣ не смѣлъ бы назвать себя такимъ счастливымъ!

Вечеромъ, когда солнышко клонилось къ закату и на прощаніе золотыми лучами цѣловало вершины горъ и послѣдній разъ страстнымъ подѣлуемъ впивалось въ хрустальную грудь синяго Дуная, — она садилась за рояль и пѣла для меня пѣсни... для меня... Ея нѣжный голосъ пронизывалъ мою грудь. Я забывался на цѣлыхъ мгновенія; все исчезало. Были слышны одни милые звуки любимой пѣсни.

И я не былъ счастливъ?!

Въ ея глазахъ, въ ея голубыхъ глазахъ отражалась вся доброта ангельской души. Какъ сладко, какъ

легко становилось мнѣ на сердцѣ, когда цѣлыми часами я могъ поить себя сладостной нѣгой, лившейся изъ ея глазъ...

Золотистыя вершины горныхъ хребтовъ тускнѣли; мракъ застилалъ землю. Въ окно струями вливался блескъ подсматривающей луны. Луна любовалась нами. Кто могъ тогда подумать, что она ехидно издѣвалась надъ нами?...

Не долго пришлось ждать. — Волны сквернаго житейскаго моря унесли меня. Мечты, затѣи, которыя я до тѣхъ поръ презиралъ, начали находить пріютъ въ моей головѣ; онѣ окутали мои порывы, мои стремленія, мою жажду жизни. И я... поклонился новымъ идеаламъ, хотя они и родились на грязной нивѣ материализма. — Какъ жутко становится на сердцѣ, когда вспомнишь о такомъ паденіи, — — —

Розочарованный возвращаюсь къ забытому, покинутому храму. Здѣсь не будетъ новыхъ желаній, стремлений... низости. Здѣсь доброта, нѣга и ласки. Какъ хорошо тутъ!

Тиха ночь. Небо прозрачно. Звѣзды блещутъ. Чуть — чуть трепещутъ листы серебристыхъ тополей. Луна украдкой заглядываетъ чрезъ окно на ея кровать. Какъ сладокъ покой юности... Какъ нѣжно лелѣеть ее сонъ... Дѣтскія сновидѣнія унесли ее въ своихъ объятіяхъ въ міръ дивныхъ наслажденій. Душа спокойна. Веселіе... радость сказывается на лицѣ.

Нѣтъ, она не спитъ. — Отчего же улетѣлъ сонъ и отъ твоихъ глазъ?

Тихо открывается окно. Дѣтская головка поникла внизъ; мраморная рука поддержала ее.

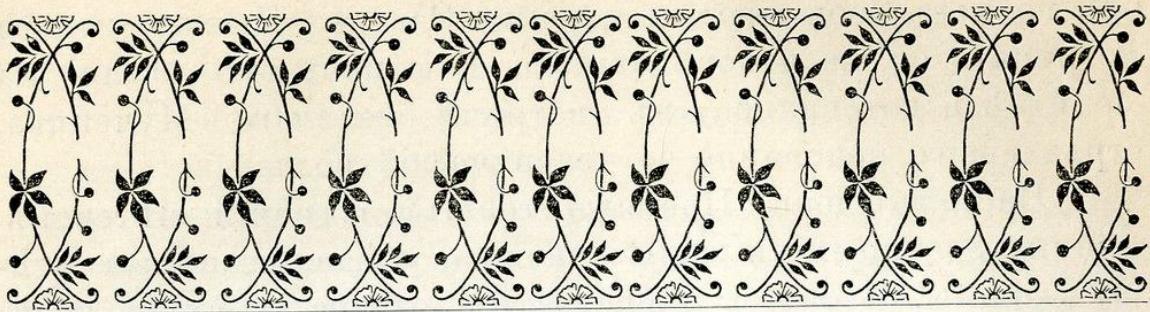
Видно — и она томится; и ее преслѣдуютъ страшныя грезы... Какой то глухой стонъ прошибаетъ мою каменную грудь. — Что?! Мое имя на ея чистыхъ устахъ?... Пусть все будетъ проклято, все, что заставило меня сдѣлаться животнымъ. Боже, этотъ ангелъ страдаетъ изъ-за меня? Нѣтъ, не могу дальше скрываться! Не выдержу. — Ея уста лепечутъ... вздохъ... стонъ.

Опять все тихо. Она звала кого-то? О, какой шалунъ этотъ вѣтеръ. Нарочно уноситъ ея слова, чтобы мнѣ ихъ не дать.

Подхожу ближе. Еще одинъ глубокій — глубокій вздохъ... Увы! Это было имя, — но не мое. А я себя обманывалъ, такъ горько обманывалъ... самъ себя. Это имя — ея..., обольстителя!

Грейфенштейнъ, 1896 г.

Жизни и моря волны.

Посвящ. М. Гр. А.

Измученный, измаявшійся, загнанный, я въ сотый разъ палъ съ расколотой грудью, издыхая подъ грузомъ тлетворной лжи и мытарствъ, засосавшихъ мысль и отравившихъ жизнь человѣчества, этой жалкой частицы грандіозной вселенной... Я, не соразмѣривъ своихъ силъ и не понимая жизни, исполненный несбыточныхъ надеждъ и вѣры въ существованіе безусловной честности, правды и чистоты, взвалилъ на себя тяжелую ношу, отъ которой надсадилась грудь и натянулись жилы и — надорвался подъ непосильнымъ бременемъ горячаго, духъ захватывающаго стремленія къ красотѣ и свѣту. Вѣруя свято въ торжество красоты и гармоніи, я бросилъ вызовъ пошлой жизни.

Но жизнь... побѣдила.

Мнѣ казалось, будто я строю на твердой скалѣ грандіозное зданіе моего счастья въ будущемъ... Но я жестоко дшибался тогда. Нахлынула могучая волна грозной стихіи „неминуемаго“, сшибла меня страшнымъ ударомъ со скалы-пьедестала и бросила, какъ жалкій камень, оторванный

отъ гордаго утеса, въ бездну позора, на смѣхъ и поруганіе...

Я бился, какъ рыба объ ледъ, и исполнялъ все, что люди называли „честнымъ“, не замѣчая того, что этимъ я угождалъ мерзавцамъ и совершалъ гнуснѣйшія пошлости.

И я палъ послѣ утомительнаго тернистаго пути, гдѣ на мои молитвы отвѣчали мнѣ издѣвательствами, гдѣ за мою вѣру мнѣ платили пошленькимъ обманомъ и лестью, гдѣ за мое золото я получалъ фальшивую мелкую монету.

Спокойной и величественной поступью ты приступила ко мнѣ и тихо протянула мнѣ свою руку. Ты, житель страны неземной, чистая, какъ херувимъ, черная, какъ самый страшный грѣхъ. Ты, геній красоты, болѣе чудная, чѣмъ первый сонъ счастливаго влюбленнаго...

Ты явилась продо мной — женщиной, одной изъ тѣхъ немногихъ, которые вплетаютъ небесныя розы въ нашъ земной путь, тернистый.

Помнишь ли еще тотъ майскій вечеръ, когда ты пришла ко мнѣ одинокому, стройная, какъ царевна, легкая, какъ лань? Ты пришла .. ко мнѣ. Но въ тотъ мигъ тебя окружало такое неземное сіяніе чистоты, что я даже мыслю не смѣлъ тебя обидѣть и я... молился на тебя.

Язвительные языки клеветы, вырываясь изъ грязной пасти мелочности, стали задѣвать твой чистый саванъ... Просыпались камни и брызги грязи

Но ты не сдалась Гордость и спокойствіе не сошли съ твоего лица, классическаго отраженія душевной гармоніи.

Удары отбивались отъ твоего алебастроваго тѣла, точно отъ статуи изъ драгоценнаго металла, а грязь быстро скатывалась внизъ, какъ вода съ груди лебедя.

Свою рукой ты поддерживала меня обезсиленаго, и мягкимъ бархатомъ своихъ черныхъ глазъ ласкала мою глубокую рану...

Мы разстались.

Шли годы. Время, разоряя все за собой, мчалось быстро впередъ.

Ты была далеко отъ меня, но ни на мигъ не разставался я съ собою. Въ моемъ воображеніи, не знающемъ ни предѣловъ, ни времени, ты жила тутъ-же предо мной, а моя пылкая мечта колыхала тебя на цвѣтистомъ коврѣ спадкихъ грезъ подъ дивные звуки волшебной симфоніи чистой любви... Въ моемъ сердцѣ ты будила сладость упованія.

Ты вдохновляла меня; ты была моей музой и другомъ правдивымъ.

И встрѣтились мы опять. Ты предстала предо мной во всемъ величіи неземного обаянія..

Мы проникли другъ друга... растаяли... замерли въ жаждныхъ объятіяхъ сладостнаго упоенія.

Излучистый берегъ убѣжалъ куда-то въ даль и потонулъ въ синемъ морѣ... Грозная волна, наущенная завистливымъ вѣтромъ, поднялась гордо надъ пучиной, желая взобраться на скалу и брызгами разнузданной стихіи разбудить насъ отъ упоительнаго забвенія; но скала, пріютывшая насъ на своемъ плечѣ, толкнула ее своей мощной грудью и она, шипя и негодуя, грохнулась въ бездонную глубь.

Вокругъ насъ и въ насъ самихъ кипѣла борьба на жизнь и смерть: костлявая дѣйствительность сжала въ судорожныхъ объятіяхъ волшебный миражъ, а онъ дразнилъ ее ослѣпительнымъ блескомъ „вожделѣннаго“.

Море взволновалось. Въ неистовомъ бѣшенствѣ оно взвыло, какъ раненая львица, и взывая свою черную грудь, задрожало, чтобы обрушиться на насъ всей своей грузною массой... Но оно было слишкомъ безсильно для того, чтобы нарушить наше блаженство.

И оно опять смиренно ложилось свѣтлой гладью у нашихъ ногъ, а луна, всплывшая по ту сторону моря, разсыпала по игривой ряби дребезжащую полосу изумрудовъ.

Море занѣмѣло, а жители Олимпа слали намъ, мягкимъ дуновеніемъ вѣтерка и едва внятнымъ шопотомъ морскихъ волнъ, свой привѣтъ, — какъ равнымъ равные...

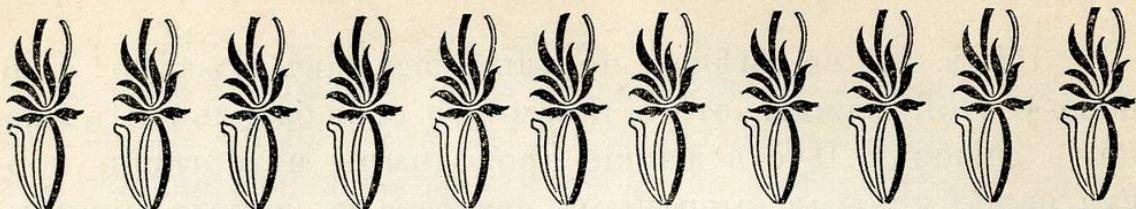
Нѣтъ, ты не смѣйся, не улыбайся такъ коварно! Я не назову этой жажды, этого неземного огня банальнымъ именемъ „любви“. Пусть жалкіе проходимцы и торгаши, торгующа недоступными смертнымъ святыстями, впредь прикрывають имъ свои филистерскія увлеченія и будничныя возбужденія жиценькихъ душенокъ..

Это былъ мигъ неземного блаженства, въ сравненіи съ которымъ „любовь“ казалась нищетою въ лохмотьяхъ передъ разряженной царевной.

Это была — Нирвана...

Одесса, въ августѣ м. 1904 г.

Къ свѣту и истина.

Посвящаю о. А.С. Петрушевичу,
почетному члену русской Акаде-
міи Наукъ, ученому страны родной.

Вокругъ скука, подруга людышекъ дрянненькихъ и
праздныхъ, скука захолустья съ ея мелочностью и сплет-
нями, съ традиціонными „праздничками“, съ обязательны-
ми винцомъ и ломбернымъ столикомъ. Промозглая, отрав-
ляющая человѣческій духъ атмосфера среды полуинтелли-
гентовъ и неучей...

Какъ великъ духъ человѣка, какъ могуча мысль, осво-
бодившіеся изъ тенетъ мѣщанства, гнили и обалдѣнія, про-
питанныхъ міазмами злобы и зависти, изрыгаемыми не-
культурной, блаженствующей средой !

Среди непроходимыхъ гнилыхъ болотъ, рѣющихъ
отъ блаженствующихъ туницъ въ пиджакахъ, фракахъ и
рясахъ, задребезжалъ бѣдному сельскому священнику, о.
Антонію, на зарѣ его жизненного похода въ борьбѣ съ
тьмой и невѣжествомъ, чистый свѣтъ, зажженный царемъ-
духомъ для того, чтобы, среди ночи невѣжества и изступ-
ленія мысль, освободившаяся изъ кандаловъ условности и
предразсудковъ, стремилась къ нему, какъ стремится къ
маяку корабль среди ночной бури.

Сохраняя въ груди чистое пламя жажды познанія и
истины, разбивая могучими руками грязные волны стихій-

ной заскорузлости „окружения“, о. Антоній причалилъ къ острову благотворного одиночества. Благословенно одиночество, желанная пристань уставшаго, загнанного амфибіями духа!..

Освободившись изъ подъ гнета назойливаго „общества“, людей озлобленныхъ и безыдейныхъ, уйдя отъ свѣта и его пошлостей, о. Антоній всѣмъ своимъ существомъ бросился въ объятія уединенія. Природа, эта единственная книга, подающая на своихъ листахъ богатое содержаніе, сблизила его съ Божествомъ, а приходившіе по почтѣ книги и журналы объединяли его съ духомъ богатырѣ ума и сердца могучихъ личностей, движущихъ впередъ жизнь жизнеспособной части человѣчества. Природа и книжка были двѣ силы, вліянію которыхъ подверглась съ тѣхъ поръ душа о. Антонія. Въ деревенской глупи росъ и развивался его талантъ, а мысль, свободная и нестѣсняемая въ своемъ стремлениі къ изслѣдованію чистой истины, обняла весь земной шаръ, обняла все человѣчество въ его геніальнѣйшихъ проявленіяхъ мерцающей въ немъ искры Божіей.

И удивительно: въ скромненькомъ кабинетѣ сельскаго пастыря, заиуженномъ полками съ книгами, сталъ витать духъ жрецовъ науки и знанія разныхъ временъ, разныхъ полосъ земного шара: и тѣхъ, вдохновляемыхъ Ингрой, и тѣхъ зависимыхъ отъ „сине-глазой“ Палласъ-Аѳинѣ и Минервы, и тѣхъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ Саги и Снотры, и наконецъ тѣхъ истинно-просвѣщенныхъ умовъ, положившихъ въ основаніе своимъ научнымъ изслѣдованіямъ и познанію правды — восторженное возвеличеніе божественно-самоотверженной жертвы Спасителя, примирившаго Бога съ падшимъ человѣкомъ.

А въ это время, когда растлѣвающая организмъ лѣнъ, мать пороковъ, затянула въ себя самодовольныхъ людышекъ, скромный пастырь предался съ захватывающимъ все его существо рвениемъ труду, облагораживающему человѣка, освобождающему духъ изъ тенетъ низменныхъ вожделѣній...

* * *

Годамъ на смѣну шли новые годы..

О. Антоній переселился въ столицу края. Ему стали необходимыми библіотеки, музеи и святыни искусства. Но и

тутъ онъ былъ далекъ, страшно далекъ отъ свѣта, этого грязнаго муравейника копошащихся козявокъ и букашеюъ. Кромѣ самоотверженаго исполненія обязанностей своего званія, для него существовали опять только четыре стѣны рабочаго кабинета, съ горами книгъ и кипами бумагъ, съ цѣлымъ міромъ идей, мысли и научныхъ изслѣдованій...

Въ городѣ такъ-же, какъ въ деревнѣ царили невѣжество, заскорузлость, тьма и насилие. Разница однако была въ томъ, что тутъ эти язвы свирѣпствовали, кричали о себѣ всѣмъ и вся.

Какъ могучая, цѣльная личность, какъ духовно богатый человѣкъ, этотъ скромный пастырь являлся окружавшей его пошленьюкой духовно-нищей средѣ, съ ея скучностью жизни, съ ея вѣчными опасеніями насчетъ завтрашняго дня, съ ея „копѣчными“ соображеніями и грошевыми расчетами — органическимъ противорѣчиемъ, непримиримымъ врагомъ, хотя самъ онъ былъ преполненъ братской любви къ этому несчастному окружению.

Когда неустающій страхъ жизни безжалостно нарушалъ душевную гармонію человѣка, заставилъ его сосредоточить всѣ свои помыслы, желанія и стремленія на одномъ предметѣ, сдѣлалъ его трусомъ, неспособнымъ ни на какой порывъ и безцеремоннымъ хищникомъ, только о томъ и промышляющимъ, какъ бы такъ побольше захватить, пріобрѣсти, заграбить и обогатиться, — въ это время бѣдный пастырь, о Антоній, проявлялъ царскую щедрость, расточая вокругъ божественные блага изъ сокровищницы духа и мысли..

И неистовствовали, глумились и марали грязью эти бисеры — пигмеи и завистники; боготворили и благодарили великаго поборника правды и науки — люди...

А въ это время, когда толпа, забитая нерадѣніемъ и мелочностью, покорно склонивъ свою баранью голову для „усѣкновенія“ на алтарѣ Лѣни, оглашала родную страну недостойною великой націи пѣсенкой: „Якіи мы бѣдны, мы погибли“, распѣваемой на разные мотивы — о. Антоній своимъ муравейнымъ трудомъ, съ растущей энергией, съ непоколебимою вѣрой въ победу свѣта надъ тьмой, созидалъ величественный храмъ родной учености, грандіозный памятникъ aere perennius.

Побуждаемый жгучею жаждой познанія правды, согрѣваемый безпрестаннымъ стремленіемъ къ осчастливленію несвѣдущихъ и темныхъ, онъ искалъ... творилъ.. со-зидалъ, все одинъ... только одинъ, какъ бы въ доказательство той исполнинской силы, въ огромномъ запасѣ покоящейся въ могучей личности, призванной свершить подвигъ гиганта. Онъ созидалъ въ проявленіи дѣльной личности, внушающей другимъ вѣру: въ него, въ защищающую имъ идею, въ проповѣдуемую имъ истину.

Покоривъ немощь бренного существованія, стѣсняющаго мысль и волю, и упорно побѣждая застѣнчиво выныряющія сомнѣнія, онъ стремился къ свѣту, чистому свѣту, наставляемый могучимъ глаголомъ безусловной Правды: „Азъ есмь истина!..“

